

Шэн Синъюань впервые встретил Хань Жуя на заброшенном, затерянном в глуши полустанке.

В тот год он как раз окончил университет, и отец буквально силой погнал его призываться. Из-за этого они едва не разругались в пух и прах. И все же против воли деда не пойдешь, да и молчаливое чаяние всей семьи давило на плечи. Так что дипломированному выпускнику одного из лучших вузов страны пришлось скрепя сердце отправиться в призывной пункт.

— В армию? Простым солдатом? — у военкома от удивления чуть глаза на лоб не полезли.

В те времена служба медом не казалась: и тяжело, и копейки платят. В солдаты шли разве что деревенские парни, мечтавшие вырваться из глуши, да сынки из влиятельных семей, которым прочили офицерскую карьеру. Обычные люди в армию не рвались. Неудивительно, что военком так изумился, глядя на заявление Шэн Синъюаня.

Университет А знал каждый китаец.

И вот теперь блестящий выпускник этого элитного вуза добровольно шел на службу.

— Какая специальность? — осторожно поинтересовался офицер. — Наверное, метишь в офицерский состав?

Шэн Синъюань качнул головой:

— Нет. Хочу начать с самых низов, обычным рядовым.

Сотрудник призывной комиссии понимающе кивнул и еще раз пробежал глазами анкету:

— Что ж, ладно. Проходи медкомиссию.

Результаты осмотра показали: годен без ограничений.

Проверка биографии, визит домой — офицер, собиравший новобранцев, остался в полнейшем восторге.

Во-первых, призывник с дипломом престижнейшего университета — для армии случай из ряда вон выходящий.

Во-вторых, несмотря на элитное образование, парень держался скромно, спокойно и производил впечатление человека надежного.

В-третьих, со здоровьем и физподготовкой все было отлично: при должной тренировке из него

выйдет первоклассный боец.

В-четвертых, отец Шэн за кулисами кое о чем похлопотал... но тсс, об этом молчок.

Словом, довольны остались все.

Офицер, принимавший пополнение, воодушевленно говорил отцу Шэну:

— Отличный у вас сын! За такими кадрами любая часть в очередь выстроится!

Отец Шэн тут же запротестовал:

— Ну что вы! Никаких поблажек. Отправьте Синъюаня туда, где тяжелее всего!

Офицер опешил от такой суровости и повернулся к парню:

— А ты сам-то как думаешь?

Шэн Синъюань лишь мягко улыбнулся:

— Если бы я искал легкой жизни, зачем вообще идти в армию?

— Молодец! Наш человек! — офицер с силой хлопнул его по плечу. — Далеко пойдешь!

Так перспективный Шэн Синъюань оказался в зеленом плацкартном вагоне воинского эшелона.

На перроне остались стоять отец и младший брат. Они провожали его тоскливыми взглядами. Поезд, тяжело стуча колесами, медленно тронулся и стал набирать ход, а у Шэн Синъюаня предательски защипало в глазах.

Сквозь набежавшие слезы он успел заметить, как отец украдкой смахнул слезу.

Разлука всегда горька. Раз уж отцу самому так тяжело, к чему было ломать комедию и силой гнать его на службу?

Устроившись у окна, Шэн Синъюань пониже натянул козырек фуражки, пряча лицо.

А ведь еще недавно перед ним открывался совсем другой путь. Шэн Синъюань уже получил

приглашение из престижного зарубежного университета. Целый год ушел на подготовку документов, экзамены и хлопоты. Все планы перечеркнул один-единственный звонок отца, потребовавшего немедленно вернуться домой.

— Пойдешь в армию. Такова была последняя воля твоего дедушки.

— Но почему именно я? — Шэн Синъюань тогда не на шутку рассердился. — Мы же договаривались, что от нашего поколения отслужит кто-то один!

— Ты старший, тебе и подавать пример.

— А Чжюань? Или Жунъюань? Они ведь тоже могут пойти!

— Малы еще. К тому же у Жунъюаня здоровье слабое, какая ему служба?

При мысли о болезненном младшем кузене спорить стало труднее, но Синъюань предпринял последнюю попытку:

— Но как же учеба за границей?

— Подождет твоя заграница пару лет. А призывной возраст уходит.

— Отец, ну имей же ты совесть! Будь порядочным человеком! — вскипел парень.

— Это я-то непорядочный? — отец вскинул брови. — А ну-ка вспомни, кто спас дедушку с бабушкой! Если бы не солдаты народной армии, вытащившие их из пекла, не топтать бы тебе сейчас землю и не видать благополучной жизни!

— Я...

— Что «я»? Хочешь, чтобы я сейчас бабушку позвал, и ты ей все это в лицо высказал?

Против этого козыря крыть было нечем. Синъюань сдался.

«Ладно, поеду».

Вот так он и оказался здесь. Без высоких идеалов, без жгучего желания охранять рубежи родины — просто чтобы исполнить долг памяти перед стариками.

Шэн Синъюань горько усмехнулся собственным мыслям и нахлобучил кепку почти до самого

носа.

— Товарищи новобранцы, минутку внимания! — офицер, сопровождающий эшелон, прошел по вагону, призывая всех к тишине. — Ближе к вечеру наш состав сделает остановку на станции Циньдянь. Там мы пересядем в другой поезд, который везет остальную часть пополнения.

Ребята испуганно переглянулись.

Дорога и без того вымотала всех физически и морально. Провести целый день в душном, качающемся вагоне вдали от родного дома — для вчерашних мальчишек это испытание оказалось на грани срыва.

— Домой хочу... к маме, — всхлипнул щуплый паренек на соседней боковушке. Его глаза быстро налились слезами.

Шэн Синъюань лишь плотно сжал губы, не проронив ни слова.

Небо на западе окрасилось багровым закатом.

Тепловоз издал протяжный гудок и заскрежетал тормозами.

— На выход! Живее! Стройся на перроне! — закричал сопровождающий, делая призывные знаки руками. — Равняйся на правофлангового! Быстро, без лишней суеты!

Новобранцы схватили свои сумки и мешки и лениво потянулись из вагонов.

Шэн Синъюань оказался в первой шеренге. Он смотрел перед собой холодным, безучастным взглядом.

Станция Циньдянь оказалась богом забытым полустанком. Вокруг — ни души, кроме сотен таких же перепуганных призывников.

Высадив пассажиров, эшелон тяжело запыхтел и ушел дальше, оставив их одних.

Из задних рядов донеслось тихое хныканье:

— Где это мы?..

— Черт его знает...

Голоса звучали уныло, людей охватывала растущая тревога перед неизвестностью.

— Разговоры в строю! — гаркнули проходящие вдоль шеренг сержанты. — Так, а кто это у нас тут сопли распустил? Проголодался, что ли?

— Нет!

— Обращаясь к старшему по званию, говорить «доложить»!

— Понял!

— Команды «понял» нет! Отвечать «так точно» или «никак нет»!

— Так точно!

— Устали с дороги, орлы? — с напускным дружелюбием спросил один из офицеров.

— Так точно... — вяло и нестройно отозвалось несколько голосов. Большинство продолжало угрюмо сопеть.

— Армия слабых не любит! Расправить плечи! Живее, не киснуть, как девицы на выданье!

Призывники послушно вытянулись в струнку.

— Командир третьего отделения! Запевай! — скомандовал офицер. — Как раз к концу песни наш поезд подойдет!

Строевую песню гоняли по кругу раз за разом. По перрону гулял холодный сквозняк, а желудок Шэн Синъюаня уже выводил голодные рулады.

Наконец из-за поворота, озаренный багряным закатным солнцем, выполз тяжелый состав.

Стуча колесами, поезд замер у платформы.

Шэн Синъюань прищурился, глядя против света.

В одном из приоткрытых окон вагона он разглядел лицо. Парень внутри смотрел на платформу, и в его взгляде читалась дикая смесь глухой тоски и ярости.

Казалось бы, совершенно несовместимые чувства, но стоило их глазам встретиться, как Синъюань понял: он не ошибся. Там бушевала настоящая буря.

— Нале-во! Шагом марш!

— На посадку!

Четко выполняя команды, Шэн Синъюань поднялся в вагон первым.

Остальные потянулись следом.

Вагон пустовал. Пройдя до самого конца, Синъюань заметил у окна двух пассажиров.

Одним из них оказался тот самый парень с колючим взглядом.

Он по-прежнему безучастно смотрел в окно и даже не повернул головы на шум вошедших призывников.

Когда все расселись, в купе заглянул сопровождающий офицер.

Быстро пересчитав новобранцев и убедившись, что все на месте, он удовлетворенно кивнул:

— Вещи на верхние полки! Прибраться в проходе!

Рослый Синъюань без труда закинул свой рюкзак наверх.

Чтобы удобнее пристроить сумку, ему пришлось шагнуть чуть вглубь купе, и он случайно задел колено соседа.

— Ты чего? — парень мгновенно вскинулся, повернув к нему лицо. В его темных глазах блеснула опасная искра.

Синъюань едва сдержал улыбку. Из-за пустякового толчка парень ошетинился так, будто у него пытались отобрать кусок хлеба. Настоящий дикий звереныш, охраняющий свою территорию.

— Вещи укладываю, — примирительно развел руками Синъюань и дружелюбно улыбнулся.

Напряжение в плечах незнакомца спало. Он неловко отодвинулся ближе к окну, уступая место.

Сев напротив, Синъюань отметил, что парень примерно одного с ним роста, разве что чуточку похудее.

Закат угас, за окном сгустилась плотная ночная тьма.

В вагон принесли коробки с сухпайком. Изголодавшиеся за день новобранцы тут же принялись уплетать еду за обе щеки.

Синъюань забрал свою порцию и, заметив, что его угрюмый сосед по-прежнему гипнотизирует темное стекло, взял коробку и для него.

— На, поешь, — протянул он еду.

За стеклом все равно ничего не было видно. Парень наконец оторвался от окна, смерил Синъюаня подозрительным взглядом, но коробку взял.

— Спасибо, — тихо буркнул он.

Синъюаню было непривычно чувствовать на себе такое пристальное недоверие, и на миг это его покорило. Но, подумав, он решил не лезть в бутылку: мало ли что у пацана стряслось перед отправкой.

Они принялись молча есть.

Сидевший напротив круглолицый крепыш, которого все уже мысленно окрестили Толстяком, шумно вздохнул, набивая рот рисом:

— Наконец-то жратва! Думал, богу душу отдам с голодухи!

Синъюань негромко усмехнулся.

— Эй, парни, вас как звать? Вы откуда? — не унимался общительный толстячок, чьи щеки так и ходили ходуном. — Я Ян Чао, из деревни Янцзя, что в провинции Ху!

— Шэн Синъюань. Из Наньяня.

— А ты? — Толстяк нацелил кончик жирных палочек прямо на соседа Синъюаня.

Тот недовольно покосился на грязные палочки, брезгливо наморщил нос и сухо ответил:

— Хань Жуй. Из Города А.

При упоминании Города А Шэн Синъюань невольно вскинул брови.

— Что-то не так? — Хань Жуй тут же перехватил его удивленный взгляд и подобрался.

— Да нет, все нормально.

Синъюань хотел было сказать, что сам только что окончил там университет и они земляки, но, натолкнувшись на ледяную стену отчуждения, решил придержать язык.

Неугомонный Ян Чао принялся выпытывать у попутчиков возраст да образование — все равно заняться в пути было нечем, а разговоры отлично коротали время.

Сам Ян Чао и его тихий сосед Ли Чангуй успели окончить лишь девять классов школы. Синъюань, не желая выделяться своим элитным дипломом, замялся и уклончиво ответил, что тоже «немного поучился». А затем повернулся к Хань Жую:

— А у тебя за плечами что?

Тот смерил его ленивым взглядом и нехотя бросил:

— Средняя школа.

И снова отвернулся к темному окну.

Синъюань тоже уставился на стекло. За ним простиралась непроглядная чернота, и стекло работало как зеркало, отражая его собственное лицо.

Хань Жуй в этот момент тоже поднял глаза, и их взгляды встретились в отражении.

Ощущение возникло странное — словно они смотрелись в одно зеркало на двоих.

Синъюань мягко, понимающе улыбнулся парню.

Хань Жуй лишь пренебрежительно фыркнул и демонстративно закрыл глаза, притворяясь спящим.

«Ну и характер», — мысленно усмехнулся Синъюань. Из нехитрого допроса Ян Чао следовало, что Ли Чангую едва исполнилось семнадцать, а самому Толстяку и Хань Жую — по

восемнадцать. На их фоне его двадцать один год казался солидным возрастом. Он чувствовал себя чуть ли не старшим братом.

И подсознательно взял над ними шефство.

— Брат Шэн, я за кипятком пойду. Сгоняешь со мной? — сыто икнув, предложил Толстяк.

— Сейчас, погоди минуту. — Синъюань аккуратно прибрал свою коробку и легонько коснулся плеча соседа.

Хань Жуй вздрогнул и вопросительно уставился на него.

— Давай выброшу, — Синъюань кивнул на его пустую коробку.

Парень молча кивнул.

— Воды принести?

Вместо ответа Хань Жуй завозился, доставая из рюкзака эмалированную кружку.

Забрав кружку, Синъюань вместе с Ян Чао направился в конец вагона к титану с горячей водой.

— Слушай, Брат Шэн, этот Хань Жуй какой-то дерганный. Зачем ты с ним возишься? — зашептал Толстяк в тамбуре.

— Ладно тебе, парень из дома уехал, переживает, — с улыбкой ответил Синъюань. — Чего не помочь, если не трудно.

— Ну ты и добряк!

Синъюань лишь покачал головой. Наполнив кружки крутым кипятком, он осторожно двинулся обратно по покачивающемуся проходу.

— Осторожно, горячо, — Синъюань аккуратно протянул кружку Хань Жую.

На этот раз парень не отвернулся к окну и не притворялся спящим — он ждал их возвращения. Поймав дружелюбную улыбку Синъюаня, Хань Жуй на секунду замешкался. В его глазах мелькнуло явное недоумение, смешанное с подозрением: «Чего это ты передо мной расстилаешься?»

Синъюань не стал ничего объяснять, просто поставил кружки на столик и спокойно опустился на сиденье.

Они сидели в тишине под неторопливый треп Толстяка с Ли Чангуем и мерный, убаюкивающий стук колес.

Возможно, спокойствие и мягкая ненавязчивость Синъюаня подействовали на Хань Жуя успокаивающе. А может, парень просто слишком устал от тяжелых мыслей и дорожной суеты. Когда в вагоне наконец притушили свет, оставив лишь тусклое дежурное освещение, Хань Жуй откинулся на жесткую спинку сиденья и незаметно задремал.

Поезд плавно качнуло на стыке рельсов, и голова парня тяжело опустилась на плечо Синъюаня.

Почувствовав внезапную тяжесть на плече, Синъюань удивленно открыл глаза.

Рядом, уткнувшись ему в шею, мирно посапывал макушкой взъерошенный сосед.

Синъюань на несколько секунд опешил, соображая, что происходит. Огляделся — в полумраке вагона новобранцы спали кто как горазд, смешно раскидав руки и ноги. Он снова посмотрел вниз. Прямо подбородком в его плечо уткнулся Хань Жуй. В тусклом свете его лицо казалось совсем юным, а на бледной коже выделялись на удивление длинные и густые ресницы.

«Надо же, парень, а ресницы девичьи», — беззлобно подумал Синъюань.

Улыбнувшись, он слегка повел плечом, устраивая чужую голову поудобнее, откинулся назад и закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/18240/1747573>